

DOI: 10.46725/IW.2021.1.7

Г. С. Смирнов

**«ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР»
В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
СУПРЕМАТИЗМА:
РУССКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Рец. на кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.

Знакомство с книгой практически всегда начинается с ее обложки: если «картинка» обращает на себя внимание и заставляет задуматься, то знакомство с книгой неизбежно. У книги «Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов»¹ (2013) обложка ставит в тупик: на шахматной доске стоит конь, а в зеркале, расположенном на этой же доске «под определенным углом» отражается уже не конь, а простая пешка. Если бы отражался ферзь или король, то стало бы ясно, что профессор («конь-огонь») фигура «с повышением», а здесь — с абсолютным понижением. При этом важную роль играет тот, кто смотрит на эту шахматную диспозицию — государство, общество, сам рефлексирующий о себе любимом субъект. Такой поворот в полной

© Смирнов Г. С., 2021

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. smirnovgs@ivanovo.ac.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University).

мере относится к современному профессору — девальвирующему субъекту XXI века, а проблема сословия русских профессоров оказывается не исторической, а междисциплинарной — весьма актуальной гуманитарной, социальной и культурологической.

Думается, что такая теневая (отражательная) проекция и представляет подспудную рефлексивную доминантность. До некоторой степени эту мысль доказывает и структура самой книги даже в ее основных разделах: в первом разделе речь идет о сообществе по производству текстов, во втором — об истории сравнительной и переплетенной, третий — заключительный — раздел (в полном соответствии с европейской интеллектуальной модой) посвящен вопросам коммеморативной солидарности, т. е. объединяющих формах социокультурной памяти, в которых просматривается когнитивная подоплека. В таком формате, как хорошо видно, «по-русски поставленная проблема» в заглавии книги решается преимущественно в духе «методологического супрематизма» — американских и европейских дискурсивных практик (в которых отсвечивает идейно-идеологическая и методологическая отзывчивость многоязычных отечественных и зарубежных авторов). Данная проблема могла быть осмыслена в контексте теории социальных эстафет М. А. Розова, но, забегаая вперед, отметим, что в книге был реализован один из вариантов многоликого универсального эволюционизма, который весьма похож на методологический супрематизм.

В таком «взгляде со стороны» — своеобразной социолого-культурологической объективации (современной онтологизации) профессорской деятельности есть значительные плюсы, но есть и свои минусы — на второй план уходит аксиологическая подоплека персоналистического профессорского бытия, так как оно рассматривается через «волшебное» зеркало корпоративного начала.

Для того чтобы показать более чем актуальную переключку времен, приведем цитату из публицистической статьи В. И. Вернадского «О профессорском съезде» (1904 г.), намеренно цитируя по книге Э. М. Галимова, которая вышла накануне «реформирования» РАН: «Профессора высших учебных заведений — университетов и технических институтов — нигде в цивилизованном мире не поставлены в настоящее время в столь

унизительное положение, как у нас в России... Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, ... он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности...»²

Из всех концептуальных углов прочтения книги выберем самый парадоксальный — поищем ответ на вопрос: выживет ли сословие русских профессоров в современных глобальных условиях, если будет продолжать выработанные веками традиции, о которых идет речь в книге.

Актуально-компаративистский взгляд, несмотря на временные разночтения, позволяет понять, сохраняются ли вездечные ценности профессионально-профессорского сообщества в условиях глобальных деформаций современности, что произошло с профессорским смысло-статусом в условиях трехвековой социально-исторической эволюции и радикальных (революционных) трансформаций последнего столетия.

Важно отметить, что в книге, кажется, заведомо космополитической, особое место уделяется не только «сословию русских профессоров», но и так называемому «русскому профессору» и «русскому университету» (с. 74).

Сословие русских профессоров (хотя, может быть, более точно следовало бы говорить о русском сословии профессоров) — предмет предельно занимательный, не только по причине институционального порядка, но и по причине вариативности категориальной репрезентации (заданной названием коллективной монографии).

Термин «сословие» (применительно к смыслу названия книги) должен обозначать «слой», «страту», «сообщество», но выбор почти археологического термина позволяет посмотреть на ситуацию в широком культурологическом (и интеллигенто-ведческом) плане.

«Со-словие» в русском языке обозначает именно некий целостный универсум слов, рожденных от соприкосновения с жизнью, но не материального, а скорее семиотического и духовного

порядка. Значения слова в рамках второго и третьего темпа — это среда не столько социолого-экономического, сколько социально-культурного и философско-культурологического порядка. В ней проявляет себя не только уровень тонкой социальности, но и еще более высокий уровень теоретизирования и абстрагирования, т. е. восхождения от конкретного к абстрактному. Большой смысл «со-словия» проглядывает в каждом из четырех измерений философского видения мира: онтологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический (при этом для каждого из них имеет место своя модусность обыденности и теоретичности).

Эти четыре измерения пронизывают, соответственно, и жизненный мир всего университетского сообщества-сословия и каждого профессора в отдельности.

Когда речь идет о том, что сословие профессоров — сословие создателей «статусов и смыслов», то предполагается, что статусность соотносится с онтологическими и праксиологическими сюжетами, а смыслы связаны с гносеологическими и аксиологическими аспектами.

Современная информационная эпоха дает возможность провести парадоксальную параллель между словом «профессор» и словом-неологизмом «процессор». Профессор всегда выполнял ту самую образовательную функцию, которую сейчас до известной степени выполняет процессор в современном компьютерном мире. При этом только следует иметь в виду, что профессор-процессор — это всегда значительно опережающий свое время «компьютер-процессор».

Компьютерная репрезентация профессорского сословия позволяет по-иному взглянуть на те вопросы, которые затронуты в рецензируемой книге. Дело в том, что «русские (в смысле подданства) профессора поступали на государственную службу и были ограничены в степени автономии, даже в передвижениях» (с. 7). В какой-то степени университет представлял собой некий государственный компьютер, но даже в таких условиях «профессорское сословие как объект исследования возникает... на пересечении его понимания как воображаемого сообщества (оно же дискурсивное, оно же сообщество памяти), профессиональной корпорации, сословной группы и государственного института»

(с. 8). Очень важно, что практически с самого начала «университеты являются обладателями и одновременно творцами сложносоставных дискурсов о себе... часть этих дискурсов универсалистские...» (с. 9). До известной степени эта особенность позволяет увидеть, как формировался глобальный (общемировой, общечеловеческий) взгляд на мир при том, что «часть университетских дискурсов являются национальными» (с. 9).

То, что книга написана не для архивариусов, о которых пойдет речь в конце книги, что главный ее смысл не исторический, а актуально-проблематический, становится видным уже из вводных статей. Декларируемая метафора «панорамного видения» (с. 28) уже через две страницы превращается в автономную и гетерономную глобальность. На первое место в процессе расшатывания саморегуляции университетского сообщества и его институциональной автономности становится «...глобализация образования и научной деятельности, превращающая университеты в аналог транснациональных корпораций, усиливающая роль профессионального управления как значимого механизма координации новых университетских гигантов» (с. 30). Каков же онтологический статус профессора в далекие времена, о которых идет речь в книге, и в нынешние «руинные времена». Ответ именно на этот вопрос привлекает читателя.

Весьма важно, что данная книга написана в постнеклассическом ключе еще и потому, что наряду с пафосом глобальности обнаруживает себя и семиотический взгляд на проблему, который обозначил себя в явной форме только в середине XX века.

Спрашивается, пошла ли на пользу рассматриваемой коллективной монографии столь радикальная методологическая модернизация, которая в некоторых случаях обнаруживается так сильно, что вызывает подсознательный протест в отношении утвердившейся в научной практике тезаурусной и методологической моды. Но при этом следует иметь ввиду, что исследование никогда не существует само по себе, оно всегда предполагает некоторый современный сверхсмысл, а значит, контекстуальная интенциональность рассказывает больше, чем мог бы раскрывать «стандартный текст».

Итак, как бы ни была трудна институциональная судьба профессора при всех разночтениях сохраняется главный смысл, ради которого профессор не просто существует как интеллектуальная единица, но как элемент виртуальной интеллектуально-ноосферной корпорации, которая пользуется своей надобщественной разумностью, для того, чтобы сохранить свои исконные статусы и смыслы, которых их пытаются лишить в любые времена, предполагая, что эти «как бы государственные служащие» (они практически всегда лишены этот статуса) будут обслуживать «интересы господствующего класса».

На первый взгляд, может показаться, что книга написана о том, что в европейской университетской истории происходит деинституциализация и деавтономизация университетов и главных их действующих лиц — университетских профессоров. Но, думается, это лишь внешняя сторона дела: состав авторов коллективной монографии и их подспудная комплементарность свидетельствует о том, что прежняя локальная университетская корпоративность, даже если она трансформируется в профессиональную атомизацию, постепенно превращается в корпоративность глокальную, которая есть первая ступень глобальной профессорской *со-словности*: профессорская корпорация (как PhD, как кандидат или доктор наук) в эпоху общепланетарного информационного обмена обретает новое семиотическое качество — совместное сотворение «словного» пространства. В этом смысле «со-словие» приобретает самый широкий смысл — из старой реальной корпоративности единичного университета постепенно формируется виртуальная глобальная сословная корпоративность, в значительной степени институционально противостоящая не только государственному корпоративному разуму, но и тому массовому общественному разуму, который для будущего подчас может оказаться еще более опасным. Только через процессы глобальной профессорской *со-словности*, очевидно, можно попытаться преодолеть негативные тенденции нарождающейся «дурной глобальности» и постепенно формировать версии *со-словного* коллективного разума будущего синергийного человечества.

В навигаторе по карте историко-социологических исследований университета (О. Н. Запорожец) университетская

макрооптика (с. 24) задается целым набором теоретических подходов: «функционализма и неофункционализма (с. 25—28), концепции «расширенного рационализма» и автономии Пьера Бурдьё и неовеберизма» (с. 25). Институциональный взгляд на университет и его исторические реализации и репрезентации пронизывает книгу как важнейший методологический вектор, а анализ университета в пространстве города (с. 52) позволяет увидеть даже не инвайронментальные, а экологические методологические подходы.

Думается, что весьма обширный методологический ресурс книги усиливается еще и тем, что вольно или невольно главную скрипку в методологическом мышлении авторов играет синергетическая методология, понимаемая в том числе и как универсальный эволюционизм. «...с конца XIX в. стали появляться иные варианты корпоративной истории — иллюстрирующие эволюцию системы через развитие студенческого движения или созревание профессиональной профессорской среды. В их центре оказывались также просветительные аспекты университетской жизни или долгий путь к самоорганизации» (с. 75).

Методологическая сторона, характерная для отечественных «почвеннических» интеллигентоведческих исследований, оказалась элиминированной в книге, хотя профессура всегда была и очевидно останется пирамидионом в интеллектуальной пирамиде русской интеллигенции. Тем интереснее видеть осмысление проблемы в ее, по сути дела, альтернативной репрезентации: это взгляд со стороны, а не изнутри. Отметим, что это «изнутри» хорошо отражено в работах самих исследуемых персонажей — при этом не только в контексте «одического жанра» (с. 69), но и критического анализа реалиста (с. 76). Анализ университетской жизни в контексте общекультурной жизни страны П. Н. Милюкова и В. И. Вернадского — хороший повод проверить адекватность современного анализа. В книге имманентно присутствует мысль о том, что высокий интеллектуальный уровень исторического субъекта как раз и обеспечивает адекватные формы корпоративной и общественной самоорганизации, а тоталитаризм — следствие недостатка интеллектуальной организованности.

Коллективные монографии последнего времени все более приобретают постнеклассический характер — в них очень часто

присутствует не строгая и жесткая система «диссертационного жанра», а некое концептуальное ядро, окруженное контекстом (или многоликой информационной средой), оттеняющим главный смысл, хотя иногда и кажется, что перед нами некая «излишность». Речь идет не просто о метасистемности (она всегда преимущество современного сложного гуманитарного текста), а об абстрактной картине, возникающей из семиотического разнообразия «личностного знания», которая позволяет понять, как устроена синтетическая противоречивость «почти глобального сознания». Для абсолютной полноты, очевидно, следовало бы обнаружить в тексте не только российские и западные мотивы, но очевидно такое требование «восточных (на самом деле, евразийских) мотивов» для современной интеллектуальной моды в России оказывается излишним.

Переполненность методологической концептуальностью — самая привлекательная черта книги — возникает из междисциплинарной и межкультурной дополнительности, которая, очевидно, характерна для вуза, столь быстро ставшего примером альтернативного университетского развития. Интеллектуальная архитектура в духе Ф. Хундертвассера позволяет увидеть более сложный ландшафт, нежели многоэтажная конструкция классической монографии. Интеллектуальное многообразие такого рода ноосферной среды новый жанр исторической реконструкции с будущностными сюжетами.

Как победить корпоративное злословие сообществом словесия — этот вопрос и получает неожиданный историко-культурологический ответ в полифонической дискурсии рассматриваемой коллективной монографии.

Глобальный профессор, выросший из предшествующих столетий университетской истории, новая фигура глобального общества знаний (или информационного общества), судя по всему эта фигура еще очень несовершенна, ибо должна преодолевать состояние некоего глобогумкулуса, но как показывает исторический опыт профессорское сообщество со-словности может через традиционное обретение статусов и смыслов стать важнейшей ноосферной институциональностью, какой, впрочем, оно всегда и являлось, несмотря на конкретно-историческое воплощение своей несовершенной идеальности.

Книга о сословии русских профессоров, таким образом, нацеливает не только на историческое понимание, но и фундаментальное переосмысление в целом миссии ученого сообщества в реформировании России — она ставит вопрос об обретении современным «сословием русских профессоров» глобальной позитивной идентичности для выживания в нарождающемся информационном (а, фактически, ноосферном) человечестве.

P. S. В работах такого, по сути дела, энциклопедического порядка, выстраивающих новую концептуальность, хотелось бы видеть предметный и именной указатели, что позволяло бы более эффективно использовать книгу в учебном процессе в курсах философии образования или современного интеллигентоведения.

Примечания

¹ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М., 2013. 386 с. Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

² *Галимов Э. М.* Об академике В. И. Вернадском (к 150-летию со дня рождения). М, 2013. С. 14.